

НИКОЛАИ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

КАТАЛОГ
КИЛЛЕРСКИХ УСЛУГ

Алексей Макеев
Николай Иванович Леонов
Каталог киллерских услуг
Серия «Полковник Гуров»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162683
Каталог киллерских услуг. Двойной дуплет: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-19490-8

Аннотация

Работа киллера хлопотная и суетливая – «клиента» надо «выгулять», место выбрать, выстрелить и не промахнуться, да еще и не наследить... Всю эту «специфику» полковник уголовного розыска Лев Гуров знает досконально – не раз приходилось брать наемных убийц. Но этот киллер какой-то необычный – работает, похоже, без подготовки, следов не оставляет, вернее, оставляет, но такие, что указывают на невиновных людей. И Гуров, и его напарник – полковник Крячко – сбились с ног, несколько раз нарывались на пули, сами разнесли стеклянную дверь офиса, высадили въездные ворота, но все без толку – киллеру удавалось уйти. Но вот, наконец, они собрались втроем: преступник, Гуров и Крячко – в темной комнате. Слышно, как киллер меняет обойму. Сейчас он начнет стрелять. А стреляет он очень хорошо...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Леонов, Алексей Макеев

Каталог киллерских услуг

Глава 1

– Ну-ка, ну-ка, притормози! – неожиданно пробормотал Давыдов, крутя головой и пристально глядя в толпу пешеходов на тротуаре. – Неужели это он?.. Не может быть! Ну-ка, остановись, я сказал!

– Алексей Петрович! – с легким упреком заметил водитель, добродушный парень с открытым веснушчатым лицом. – Тут же остановка запрещена! Сами знаете, как сейчас гаишники лютуют. Под монастырь меня подвести хотите?

– Притормози, я сказал! – начиная сердиться, повторил Давыдов. – Я мигом выскочу, а ты поищи пока, где встать. И монастырь я на себя беру, не паникуй, Савелий!

– Ну, смотрите, Алексей Петрович! – не слишком любезно пробормотал водитель.

Белая «Ауди» на секунду прижалась к тротуару, и Давыдов с неожиданной для себя самого прытью выскочил из машины. Савелий, который одновременно умудрялся следить за передвижениями шефа, за потоком машин и выглядывать гаишника, покачал головой и неопределенно хмыкнул. Он не одобрял легкомысленного отношения к таким серьезным вещам, как парковка, выезд на встречную полосу и беседа с дорожным инспектором. Слишком много развелось сейчас таких, для кого подобные вещи ничего не значат – оттого дорога и стала зоной повышенного риска. Нормальному человеку, серьезному, ездить просто невозможно. И ведь каждый день в новостях показывают, что остается от таких вот, купивших права за деньги, – окровавленные лохмотья и похожие на смятые консервные банки автомобили, – и все равно наука не идет впрок.

Сам он в любой ситуации старался правила соблюдать, хотя как человеку подневольному ему не всегда это удавалось. То, вот как сейчас, хозяину приспичит выскочить в неподобающем месте, то захочется прокатиться с ветерком там, где скорость разрешена не выше сорока, а то и еще что-нибудь похуже. Такие вещи Савелия раздражали и вызывали у него активный протест. В конечном счете он подчинялся, но недовольство свое высказывал обязательно, невзирая на лица. Однако сейчас к раздражению примешивалось и другое чувство. Можно сказать, что Савелий был отчасти доволен. А все дело было в том, что последние дни шеф ходил как в воду опущенный, хмурился, разговаривал мало, и в глазах у него ясно читалась тоска. Козе было понятно, что у Давыдова неприятности, а поскольку подробностями он не делился даже с водителем, который, как известно, для начальника все равно что брат родной, это могло означать только одно: неприятности серьезные. Оживление, которое выказал сейчас Давыдов, обрадовало и Савелия – значит, не все еще потеряно и есть вещи, которые способны встряхнуть шефа. Савелий отлично знал, что иногда даже какая-то глупая мелочь способна поднять настроение и вернуть интерес к жизни. Сам-то он, правда, такого интереса никогда не терял, но за другими людьми замечал.

Савелию ужасно хотелось знать, какого такого человека увидел Давыдов, из-за которого он готов был выскочить чуть ли не из мчащегося автомобиля, но сзади уже поднялся вой возмущенных братьев-водил, и Савелий по-быстрому отчалил с неудобного места, потеряв из виду хозяина. Ему нужно было решить непростую задачу – припарковаться максимально близко от того места, где он расстался с Давыдовым, чтобы тому не пришлось мотаться по улицам и созваниваться с потерявшимся Савелием.

Наконец ему удалось решить эту задачу. Правда, пришлось нырнуть в промежуток между двумя высокими домами, на одном из которых были развешаны сверкающие таб-

лички с золотыми буквами, и встать за углом этого дома под объявлением: «Парковка только для служебного транспорта». Но таких объявлений Савелий не боялся. По большей части они были самодеятельностью организаций, которые мало того что занимали своей оргтехникой и задницами своих сотрудников площади в зданиях, но еще и претендовали на все прилегающие вокруг них территории. Узурпаторов Савелий, как потомственный работяга, ненавидел.

Никто никаких претензий ему не предъявил, и Савелий, заперев машину, поспешил выйти со двора на улицу, чтобы поискать шефа. Он прошелся по тротуару взад-вперед, повертел головой, но Давыдова не обнаружил. Это ему не понравилось. Сегодня Давыдов не пожелал брать с собой охранника, и вся забота о здоровье и безопасности шефа как бы автоматически ложилась на плечи водителя. Савелий достал из кармана мобильник и набрал номер.

– Алексей Петрович! – слегка обиженным тоном сказал он. – Я тачку рядом во дворе поставил. Тут конторы всякие – ну, сами увидите. Я прямо у ворот буду вас ждать. А вы-то скоро?

– Я понял, – тоном, в котором слышалась откровенная досада, ответил ему Давыдов. – Скоро? Да-да, я скоро. Не надоедай больше.

Савелий пожал плечами. С Давыдовым он ездил уже четыре года. Тот никогда так не поступал. Вот так, ни с того ни с сего выскочить на улице, ничего не объясняя... Все у него было всегда рассчитано по часам и минутам. Пунктик такой – время деньги. Правда, Савелий догадывался, что во многом хозяин поступает вопреки своей натуре. Человек он был все-таки импульсивный, увлекающийся. Если вдруг ему нравилась какая-то женщина, по-настоящему нравилась, он мог бросить любые дела и, по выражению Савелия, «начать выписывать кренделя». Но то женщина, а Савелий сам слышал, как пять минут назад хозяин сказал: «Неужели это он?» Без сомнений, речь шла о мужике. Или старый дружок, или родственник, решил Савелий. Деловым партнерам так не радуются, да и не ходят партнеры по Москве пешком.

Как ни странно, но рассуждения Савелия были совсем недалеко от истины. Именно увидев в уличной толпе лицо, до боли знакомое и при том никак не связанное с тем потогонным беличьим колесом, в котором вертелся все эти годы Давыдов, он вдруг попал во власть воспоминаний. В нем проснулись почти забытые чувства, и разом вспомнилось все, что ушло вместе с молодостью, – бескорыстная дружба, восторг от полноты жизни, мечты о прекрасном завтрашнем дне и еще много всего такого, что осталось далеко позади и казалось невозвратимым. Лицо старого университетского товарища, потерявшегося в круговороте жизни, явилось словно условным знаком, который подавала Давыдову его счастливая юность. Он не мог проигнорировать этот знак. Особенно теперь, когда ему было так трудно и мир поворачивался к нему всеми своими шипами.

Давыдов выскочил из автомобиля и, расталкивая прохожих, бросился вдогонку за худощавым невысоким человеком в короткой кожаной куртке и давно не глаженных коричневых брюках, который в быстром темпе шел по краю тротуара, а потом вдруг свернул в сторону и скрылся за стеклянными дверями кафе «Алекс».

Кафе было дрянное, Давыдов уже давно не заглядывал в такие места – пожалуй, с тех же самых студенческих времен, но сейчас его не смущало и это. стакан пива со старым другом в дешевой кафешке – это отдавало романтизмом юности.

Голова его горела от возбуждения. В кафе былолюдно. Лица вокруг слились в одно яркое подмигивающее пятно. Давыдов посмотрел по сторонам и увидел спину человека в кожаной куртке. Тот стоял, положив локти на стойку, и о чем-то разговаривал с барменом. Давыдов бросился вперед, предвкушая, какой сюрприз он сейчас преподнесет бывшему

однокурснику, но в последний момент тот вдруг обернулся и в упор посмотрел на продавшегося к нему Давыдова.

– Пашка! Ковбой! – выдохнул Давыдов, собираясь упасть в объятия старого друга. – Вот так встреча!

Но он в последний момент сдержал свой смешной порыв и не обнялся с Пашкой. Давыдов увидел лицо друга, постаревшее, огрубевшее, лишенное былой живости. Радости, которой ждал Давыдов, оно не выражало. В глазах Пашки мелькнуло удивление, озабоченность, досада – что угодно, но только не радость. Если бы Давыдову сейчас плеснули в лицо ледяной водой, он и то был бы меньше ошеломлен. Ему мгновенно стал противен и собственный телячий восторг и все однокашники, и вообще все люди вокруг. Он был готов круто развернуться и уйти, но тут Пашка вытянул вперед руку и крепко, до боли пожал его разгоряченную ладонь.

– Это ты, Алеша? – негромко, но с чувством сказал он. – Не ожидал тебя здесь увидеть, не ожидал. Настоящий сюрприз, друг!..

В глазах Пашки уже не было никакой неприязни, он улыбался во весь рот, и Давыдову пришлось бы смириться с тем, что все это ему померещилось, если бы не странное, иррациональное ощущение холода, которое исходило от Пашки, от его улыбающихся губ, от его внимательных глаз и даже от старательно интонируемого голоса. Словно все эти годы его старый университетский товарищ пробыл в каком-то ледяном подземелье, как законсервированный андроид из фантастического фильма. Ощущение было крайне неприятное, но теперь Давыдов не мог уже ничего поделать. Пашка протянул ему руку, снова назвал другом, улыбался. Может быть, для этого ему приходилось ломать себя – кто знает? Тем более уйти сейчас было некрасиво. Давыдов остался, но настроение у него резко упало.

– Может быть, пивка? – деловито сказал он. – В честь такой встречи...

Пашка посмотрел на наручные часы.

– Можно, – не переставая улыбаться, сказал он. – Только я, пожалуй, не пиво, а кофе выпью. Чашечку. А вообще, неудачно получилось. Надо нам с тобой где-нибудь вечером встретиться. У меня сейчас такая запарка... Я говорю, глупо вышло! Но ты не заметил, что чем старше становишься, тем глупее все выходит? Нет в жизни счастья...

Он засмеялся и увлек Давыдова в угол зала, где обнаружился свободный столик. И довольно ловко, мимоходом выхватил из толпы официантку, ласково, но категорически потребовав от нее кружку пива и чашку кофе.

Заказ появился через минуту. Пашка пригубил кофе, поморщился и в упор посмотрел на Давыдова.

– Ну что, Нобель? Что нос повесил? – спросил он с очередной старательной улыбкой. – Разочарован? Не думал, что я так изменился? Я бы и сам не подумал десять лет назад.

Пашка носил на факультете прозвище Ковбой. Давыдова прозвали Нобелем – авансом, за будущие заслуги. Кое-какие надежды он и в самом деле подавал. И десять лет назад он тоже представить себе не мог, что все так изменится.

– Да какой я теперь Нобель! – сказал он, как за спасательный круг хватаясь за кружку с пивом. – Все в прошлом. Я теперь бизнесмен, Паша. – Он кривовато усмехнулся. – И, кажется, не слишком удачливый. Не поверишь, иной раз так противно становится, что впору пулю в лоб пустить...

Совсем не об этом Давыдов собирался говорить со старым другом, но по-настоящему выговориться до сих пор было некому, и он повел себя как тот вшивый из пословицы.

– Пулю? – поднял брови Паша и посмотрел на Давыдова с веселым изумлением. – Эка тебя понесло! Не узнаю! Что, совсем допекли?

– Совсем! – вздохнул Давыдов. – За глотку берут, Паша!.. Ну, это ладно, не о том я заговорил, извини! Ты-то как? Чем занимаешься?

– Ну, это длинная история, – серьезно сказал Паша. – Но у меня все в порядке. А вот с тобой разбираться нужно. Знаешь, что мы сделаем? Давай-ка мне свои координаты, и я, как только выберу время, сразу тебе позвоню. И посидим, как полагается. Ну что, катит такое предложение?

Он снова пригубил кофе и поверх чашки испытующе посмотрел Давыдову в глаза. Тому стало как-то не по себе. Но он закивал, полез в карман, достал из бумажника визитную карточку и протянул ее Паше. В этот момент в кармане у того забулькал мобильник, и Паша сунул карточку в карман, даже не взглянув на нее. Он кивнул Давыдову и быстро поднес телефон к уху. Разговор занял секунд пять, не больше.

– Понял, – сказал он. – Выхожу.

Поднимаясь, он сунул трубку в карман и положил руку на плечо Давыдова.

– Извини! Дела, будь они неладны. Если не очень напрягает – расплатись, а? Потом сочтемся.

По правде говоря, Давыдов заплатил бы сейчас куда большую сумму, лишь бы этой встречи не состоялось и чтобы он вообще не выскакивал несколько минут назад из машины и даже не вспоминал ни о каком Пашке Ковбое, чтобы его с жесткими чертами лицо раз и навсегда затерялось в пестрой московской толпе. Ничего хорошего не принесла ему эта встреча. Лишнее подтверждение пословицы о том, что в одну и ту же реку не войти дважды.

Поэтому Давыдов с облегчением взял на себя проблемы с оплатой этого копеечного счета. Ему хотелось протянуть время, дать Пашке уйти подальше, чтобы уже никаким чудом они не встретились никогда и нигде. Он подозвал официантку, заказал еще двести граммов водки, выпил и долго сидел, бездумно разглядывая людской муравейник за окном.

Когда Давыдов вышел из кафе, Ковбоя, разумеется, уже и след простыл. Слегка пьяный и крайне недовольный собой, Давыдов зашагал по тротуару, торопясь найти тот двор, куда Савелий поставил машину. Он помнил, что тот обещал ждать его на въезде, но тем не менее Савелия нигде видно не было.

«Черт бы тебя подрал, Савелий! – в сердцах выругался про себя Давыдов. – Теперь я еще и тебя должен искать, как проклятую ушедшую молодость! Ну, погоди!»

Давыдову быстро надоело шарахаться в равнодушной уличной толпе, и тут он, к счастью, вспомнил про телефон. В раздражении набрал номер.

Савелий ответил не сразу и ответил как-то странно. Давыдов не помнил, чтобы жизнерадостный деловой Савелий разговаривал когда-нибудь таким плаксивым растерянным тоном. Но тому были веские причины, и Давыдов после некоторой заминки наконец уяснил, в чем дело.

– Так это, Алексей Петрович! Задержали тут меня! Милиция, кто же еще? – пожаловался Савелий, явно разговаривая не только с Давыдовым, но и с кем-то еще, для Давыдова невидимым. – Так это... какая разница – свидетель или не свидетель? Мне шефа везти надо... Как успеется? Алексей Петрович, ну, вот что хотите делайте! Говорят, успеется! Ей-богу, я тут ни при чем!

– Да можешь ты объяснить, в чем дело?! – взорвался Давыдов. – Что случилось? В столб въехал, что ли?

– Да лучше бы в столб, Алексей Петрович! – запричитал Савелий. – Тут такое случилось... Главное, на моих глазах! А я только на секунду с улицы вернулся – боялся, как бы тачку не задела. Тут мусоровоз...

– Ты мне мозги не пудри! – окончательно вспылал Давыдов. – Мусоровоз какой-то!.. Я сейчас тебя найду, и ты мне расскажешь, что у тебя там случилось! Где ты, черт тебя дерит?!

– Да я же говорю, мусоровоз! – в отчаянии повторил Савелий. – Он всю поляну тут перегородил. Вы его сразу увидите...

Давыдов поднял голову и действительно увидел здоровенный мусоровоз. Вернее, его корму, которая выглядывала из-за угла дома. Кстати, как раз возле этого дома происходила суета, которой Давыдов не заметил только потому, что был полностью погружен в свои переживания. Белая машина с синей полосой перегораживала проезд, и мигалка на ее крыше тревожно пульсировала. Мрачные милиционеры в форме бесцеремонно разгоняли зевак. Но главное явно происходило в глубине двора – там, куда незадачливый Савелий поставил машину.

Давыдов сунул мобильник в карман и почти бегом пустился на поиски Савелия. Он вдруг вспомнил, что не позже часа намеревался появиться в офисе – юрист обещал подготовить кое-какие документы, которые срочно нужно переправить в суд. До часа оставалось не более тридцати минут.

У въезда во двор Давыдова остановил молодой сердитый милиционер с портативной рацией в руке, проверил документы.

– Сюда пока нельзя, гражданин! – сухо сказал он, возвращая Давыдову паспорт. – Проводятся оперативно-следственные мероприятия. Видите, оцепление? Придется подождать.

Давыдов сбивчиво попытался объяснить, что во дворе у него машина и водитель и что ему срочно нужно ехать по делам бизнеса.

– Бизнес у них! Деловые все стали до упора! – сказал второй милиционер первому, неслышно выходя из-за угла и неприветливо разглядывая Давыдова. – Маркитанят-маркитанят, пока на пулю не нарвутся...

– При чем тут пуля? – раздраженно спросил Давыдов. – И вообще не понимаю вашего тона...

– При чем пуля! А при том, что один деловой уже словил девять граммов, – сварливо пояснил милиционер. – Лежит вон, тепленький! Теперь все его дела – лежать... Пойдите, у вас там автомобиль, говорите?

– И водитель.

– Тем более! Знаешь, Викулов, доложи-ка насчет него – может, оперативники захотят с ним побеседовать?

– Нет проблем! – пожал плечами милиционер с рацией.

И уже через минуту Давыдова провели во двор. За мусоровозом обнаружился черный «Фольксваген», почти упершийся грузовику в бампер. Дверцы легковушки были распахнуты, и возле нее сутился фотограф с аппаратурой. Давыдову показалось, что он заметил неподвижную фигуру, будто уснувшую на руле, но его вполне могло подвести разыгравшееся воображение. «Тот самый, что словил девять граммов? – с неприятным чувством подумал Давыдов. – Плохой день сегодня. Все будто рушится под ногами. Но где же Савелий, черт его дерь?!»

Его водитель стоял в окружении милиционеров и сильно был похож на арестованного – такое разочарование было написано у него на физиономии. Заметив Давыдова, он тут же шагнул к нему и развел руками.

– Ну как хотите, Алексей Петрович, а я тут ни при чем! – воскликнул он, будто Давыдов и в самом деле собирался предъявлять ему обвинения.

– Ладно, мы можем ехать? – недовольно спросил Давыдов.

На него надвинулся высокий широкоплечий человек с седыми висками, в хорошем и, пожалуй, излишне строгом костюме, и произнес вежливо, однако не терпящим возражений тоном:

– Старший оперуполномоченный полковник Гуров, к вашим услугам. Прошу прощения, но вашего водителя нам придется забрать с собой. Думаю, ненадолго. Он свидетель преступления, можно сказать, единственный, кто успел хоть как-то рассмотреть убийцу, и

мы надеемся, что с его помощью удастся составить словесный портрет. Надеюсь, водить машину умеете?

Давыдов выпалил в сердцах, не успев хорошенько подумать:

– Водить я, слава богу, не разучился еще, а вот то, что Савелий талантом художника обладает – это для меня новость. Мне-то до сих пор представлялось, что он даже столб фонарный нарисовать не сумеет...

– А ему и не придется ничего рисовать! – вмешался в разговор еще какой-то мужчина, плотный и коренастый, с простоватым загорелым лицом. – Кино-то смотрите? Там частенько показывают эту процедуру. Ну, то есть составление словесного портрета... А сейчас, с появлением компьютера, это вообще плевое дело. Представляете себе компьютер?

Несмотря на простоватое выражение лица, посматривал этот человек на Давыдова хитрым, посмеивающимся взглядом, будто забавлялся. Был он в старой ковбойке, расстегнутой на груди, и в мятых джинсах – на милиционера совсем не похож. Может быть, поэтому Давыдов ответил довольно резко, что компьютер в общих чертах себе представляет лучше некоторых, потому что сам занимается компьютерными технологиями.

– Отбрили тебя, Стас? – с интересом спросил у крепыша полковник Гуров. – Ну и подделом! Не строй из себя знатока. А вы, значит, компьютерами занимаетесь? Любопытно! Чрезвычайно интересуюсь этой областью человеческого знания. Не откажетесь побеседовать?

Давыдов в отчаянии посмотрел на часы.

– Вы серьезно? – спросил он. – Или это означает, что вы и от меня ждете каких-то свидетельств?

– От вас? А вы что-нибудь видели? – удивился Гуров. – Нет? Я так и думал. Ведь вас здесь не было... Кстати, нельзя узнать, где вы до сих пор находились?

– Я был в кафе, – буркнул Давыдов. – Увидел из машины старинного друга, вышел... Ну, встретились, поговорили...

– Это чувствуется, – повел носом Гуров. – Впрочем, извините, это к делу не относится.

Давыдов нахмурился – ему было неприятно, что опьянение заметили.

– У меня большая просьба – нельзя ли отложить наш разговор? – сказал он. – Мне необходимо быть у себя в офисе... Вот моя визитная карточка. Звоните в любое время, мне скрывать нечего...

– Разумеется, вы можете ехать, – кивнул Гуров, с интересом рассматривая карточку, которую дал ему Давыдов. – Только уж, прошу вас, возьмите такси! С моей стороны было бы некрасиво позволить вам сесть сейчас за руль. Надеюсь, вас это не слишком затруднит? Ну и отлично. А мы тут позволили себе небольшое самоуправство – никого не впускаем и не выпускаем... Преступник ушел проходным двором. Но здесь уже, кажется, все осмотрели... А вам, Алексей Петрович, я обязательно позвоню как-нибудь на досуге, не обессудьте!

Давыдова выпустили со двора. Он прошел мимо напряженно глядящих на него милиционеров, впритирку с идиотским мусоровозом, чувствуя себя удивительно некомфортно и тревожно – будто экзамен в чужой стране сдавал. И юрист уже наверняка на стенку лезет, кроет его последними словами. А главное, перед глазами у Давыдова теперь стояла страшная, мгновенно врезавшаяся в память картинка – выходя, он уже совершенно точно увидел за раскрытой дверью «Фольксвагена» мертвое тело, лицом уткнувшееся в рулевое колесо. Вот только вместо правой щеки на этом лице зияла дыра, будто наполненная кровавым фаршем. Давыдову стоило больших усилий сдержать рвотный позыв. Он сунул в рот сигарету и испепелил ее в три затяжки.

Глава 2

– В Москву, в Москву, в Москву! – с выражением произнес Гуров, глядя из окна кабинета на залитую послеполуденным солнцем улицу.

Полковник Крячко, верный друг и напарник Гурова по оперативной работе, поднял голову от документов, которые он изучал прилежно, как студент перед экзаменом, и недоверчиво посмотрел на Гурова.

– Ты о чем это? – спросил он. – Мы вроде и так с тобой в Москве.

– Эх, серость! – усмехнулся Гуров. – Так заканчивается второе действие пьесы Антона Павловича Чехова «Три сестры». Этими самыми словами. А у нас половина дел этими самыми словами начинается.

– Ну откуда нам знать Чехова, господин полковник, мы люди маленькие! – ответил Крячко. – Это у вас супруга – известная всей стране актриса. А мы культурой не обременены. Но поспорить с вами тем не менее решимся. Где это вы про Москву увидели? Я вот наше новое дело читаю – тут первые слова совсем другие. Казенные, я бы сказал, слова. Если желаете, могу зачитать. Постановление...

– Уже читал, грамотный, – отмахнулся Гуров. – А про Чехова я вспомнил в переносном смысле. Потому что масса жизненных историй начинается именно с этого призыва. Возьми хоть последний случай. Правильно, теперь все это изложено сухими словесами протоколов, но изначально-то как все было? Жил себе человек тихо-мирно в своем Моршанске, никого не трогал, но вот грызла его эта предательская мысль – в Москву!..

– Ты Вельяминова имеешь в виду? – перебил его Крячко.

– Ну а ты как думаешь? Кого у нас вчера убили? Или я что-то путаю?

– Ну что вы, господин полковник! Как возможно, чтобы вы у нас что-либо путали? – дурашливо воскликнул Крячко. – Просто откуда такой вывод, что в Моршанске этот человек сидел тихо-мирно? Ответа на наш запрос, насколько мне известно, из Моршанска еще не поступало.

– Просто предположение, – сказал Гуров. – Во всяком случае, в розыске гражданин Вельяминов не числился, значит, каких-то грубых нарушений законности за ним нет. И тем не менее мирная жизнь в провинции ему надоела, он уехал в Москву, непонятно чем здесь занимался и вскорости получил пулю в голову. Итог неутешительный.

– Ты считаешь, во всем Москва виновата? – осведомился Крячко. – Но ведь мы с тобой, насколько помнится, тоже перебрались сюда из провинции.

– Не по своей воле, не по своей воле, – улыбнулся Гуров. – Инициатива принадлежала начальству, а начальству, как известно, виднее.

В Москву Гурова и Крячко перетащил генерал Орлов, нынешний начальник главка. В ту пору он, конечно, не был еще ни начальником, ни генералом, но определенным влиянием уже и тогда пользовался. Впрочем, порой Гурову казалось, что живут они с Крячко в Москве с незапамятных времен. Сам он давно сроднился с этим городом и считал себя заправским москвичом.

Про человека, убийством которого они с Крячко теперь занимались, этого сказать, конечно, было нельзя. Гражданин Вельяминов Альберт Сергеевич, сорока двух лет, поселился в столице около года назад, снимал здесь квартиру и занимался, судя по всему, не слишком законными делами. На улице Полтавской у него имелась некая контора под названием «Перспектива», деятельность которой формально была направлена на то, чтобы помогать приезжим ориентироваться на рынке рабочей силы. Но у Гурова имелись подозрения, что Вельяминов обеспечивал желающим регистрацию или московскую прописку – в зависимости от финансовых возможностей клиента. Прямых доказательств этого не было, но в

сейфе Вельяминова было найдено несколько папок с паспортами и анкетами иногородних граждан, а также упрятанный на самое дно новенький, видимо, совсем недавно оформленный паспорт на имя некоего Забелина Григория Ерофеевича. Паспорт подтверждал российское гражданство Забелина, а также его московскую прописку, хотя по некоторым справкам, завернутым в тот же пакет, Гуров понял, что Забелин совсем недавно являлся гражданином Казахстана. Такая оперативность в оформлении документов не показалась Гурову такой уж фантастической, когда он познакомился с биографиями сотрудников Вельяминова. Их было всего двое – мужчина и женщина. Женщина, Веселова Анна Викторовна, до встречи с Вельяминовым работала в паспортной службе, а мужчина, Храпов Борис Иванович, служил в МВД и тоже имел отношение к паспортной службе. По словам Храпова, он уволился из органов по собственному желанию, но говорил он на эту тему так скупно и неохотно, что заинтриговал Гурова, который в тот же день связался с отделом кадров и попросил найти в архиве личное дело Храпова. Правда, в личном деле ничего криминального не обнаружилось. Удивляла лишь внезапность, с которой Храпов решил вдруг оставить службу, и то, как охотно пошел ему навстречу. Этот момент требовал более детального подхода, и Гуров собирался им в ближайшее время заняться.

Не менее туманной, чем деятельность «Перспективы», выглядела и смерть Вельяминова. По словам его сотрудников, никаких особых врагов у их хозяина не имелось и никаких угроз в его адрес не поступало. Шестого июля, в день своей смерти, Вельяминов вел себя как обычно, разве что слегка нервничал. У него самого впереди маячила не самая приятная перспектива – вот-вот должна была подскочить цена аренды за помещение, и Вельяминов намеревался проконсультироваться со своим юристом, каким образом можно избежать повышения арендной платы или хотя бы снизить процент. Во всяком случае, так объясняли ситуацию Веселова и Храпов. Планировались ли Вельяминовым еще какие-нибудь дела на этот день, появлялись ли в его конторе клиенты – на эту тему Веселова и Храпов отвечали так невразумительно, что Гуров отчаялся что-либо понять и препоручил обоим следователю прокуратуры Кудасову. Тому недоговоренность в показаниях Веселовой и Храпова тоже не понравилась, и он счел нужным всю документацию из «Перспективы» изъять, а саму контору опечатать.

Единственное, что помощники Вельяминова утверждали твердо – это то, что шеф вышел из конторы примерно без пятнадцати минут двенадцать. А уже в полдень к ним ворвался кто-то из охранников здания и сообщил, что Вельяминова только что застрелили прямо в машине. Они хотели спуститься во двор, но там уже все оцепила милиция, и ни Веселова, ни Храпов ничего больше не видели.

Кстати, свидетелей убийства вообще практически не оказалось. Единственным человеком, который сумел как-то обрисовать картину происшедшего, оказался Савелий Иванович Кашин, который и машину-то на этом месте поставил случайно. Он высадил своего шефа у кафе и, дожидаясь его, припарковался в ближайшем дворе. Затем вышел на улицу, но тут же вернулся, потому что во двор неожиданно свернул огромный мусоровоз. Его маневры показались Кашину опасными, и он поспешил проверить свою машину. Однако мусоровоз не стал продвигаться в глубь двора, а остановился, заблокировав выезд черному «Фольксвагену». Все остальное произошло мгновенно. Савелий даже не сразу осознал, что, собственно, произошло. «Фольксваген» затормозил, едва не «поцеловав» носом вихляющийся грузовик, а его водитель высунулся в окошко и принялся поливать матом незадачливых мусорщиков. Однако в ту же самую секунду откуда-то сбоку вышел человек среднего роста в кожаной куртке, совершенно будничным жестом вытянул руку в сторону разгневанного владельца «Фольксвагена», тут же отвернулся и быстрым, уверенным шагом пошел прочь. Савелий вдруг с ужасом понял, что человек в «Фольксвагене» уже не кричит, а безмолвно лежит лицом на руле и никаких признаков жизни не подает.

Когда ноги перепуганного Савелия опять обрели способность двигаться, он, подгоняемый болезненным любопытством, приблизился к «Фольксвагену» и заглянул внутрь. Кровь на приборной доске окончательно убедила Савелия, что на его глазах произошло убийство.

Надо отдать Савелию должное, он не сделал попытки сбежать с места происшествия, а сразу же вызвал по мобильному телефону милицию. И он же терпеливо отвечал на бесконечные вопросы должностных лиц, которых вскоре собралось в том дворе немало. Обладая неплохой зрительной памятью, Савелий помог составить портрет предполагаемого преступника, а также неоднократно изложил свои впечатления в устной форме. К сожалению, он ничего не мог сказать по поводу водителя мусоровоза. Находясь в шоке от увиденного, Савелий даже не сообразил, что мусоровоз появился не случайно. Милиция же в этом убедилась довольно быстро – уже через полчаса обнаружился настоящий хозяин мусоровоза. Машину у него угнали из-под самого носа, когда он в двух кварталах от места убийства вышел купить сигарет. Как и ожидалось, мусорщик слухом не слыхивал ни о Вельяминове, ни о фирме под названием «Перспектива», во что нетрудно было поверить, ибо в московской прописке он не нуждался, потому что был прописан в Москве с детства.

Таким образом, картина преступления вырисовывалась довольно четко. Убийство, несомненно, было заказным, но исполнено было не столько профессионально, сколько лихо. По мнению Гурова, исполнителей было как минимум двое. Один угонял мусоровоз, другой стрелял. Долгой подготовкой преступники себя не утруждали. Караулили Вельяминова там, где он бывал чаще всего, и машину, чтобы заблокировать выезд, нашли тут же, можно сказать, под рукой. Гуров был уверен, что, не попадись им мусоровоз, преступники угнали бы любую другую габаритную машину, которая попалась бы им на глаза.

– На восемьдесят процентов это была импровизация! – заявил он Крячко. – Но кое-что преступники знали точно – время, когда Вельяминов будет выезжать со двора. И узнать они этот факт могли только двумя путями – или от кого-то из сотрудников «Перспективы», или от того человека, с которым Вельяминов договаривался в тот день о встрече.

– С юристом? – подсказал Крячко.

– Не уверен. Может быть, этот человек такой же юрист, как я – английская королева. Мы знаем только, что у Вельяминова была назначена с кем-то встреча, но точных данных, с кем именно, мы не имеем. Выход только один – перетряхивать окружение Вельяминова, выяснять истинный род его занятий, искать его врагов и прочее в том же духе. Разумеется, убийцу тоже будем искать, но здесь шансов не слишком много. Судя по словесному портрету, внешность у этого человека совершенно заурядная. В уличной толпе на него похож каждый второй. Вот если бы Кашин увидел его где-нибудь еще раз! Но это уже из области фантастики. Не думаю, что этот человек собирается сводить счеты со всей конторой Вельяминова.

Решив тряхнуть «Перспективу», Гуров пригласил к себе на беседу Храпова. Он даже подчеркнул это, созвонившись с Храповым по телефону, что именно на беседу. С утра Храпов уже побывал на допросе у следователя, был крепко взят им в оборот и психологически настроился на то, что будет находиться под постоянным давлением. В таком состоянии человек или сразу ломается, или, как еж, выставляет все свои иголки, намереваясь обороняться. Гуров был уверен, что Храпов будет держаться именно так, тем более что с органами правопорядка он был знаком не понаслышке, да и связи кое-какие у него наверняка до сих пор остались. Гурову показалось, что в такой ситуации простая беседа без протокола может дать больше, чем официальный допрос. Ведь для него, как для сыскаря, важно было сейчас найти хоть какой-то след, по которому можно было бы пуститься вдогонку за убийцей.

Храпов, как и договаривались, явился после обеда, замкнутый, настороженный, как говорится, застегнутый на все пуговицы. Гуров, решивший до конца отыграть роль «добротного следователя», принял его радушно, почти по-дружески и даже предложил чашечку кофе.

Храпов от кофе решительно отказался. Он действительно был похож на оцетинившегося ежа и даже не пытался притворяться вежливым и послушным.

– Давайте не будем ходить вокруг да около, гражданин полковник! – отрывисто сказал он, глядя в сторону. – Мы оба отлично понимаем, куда ветер дует. Сегодня мне уже намекнули, что из свидетеля я в самые кратчайшие сроки могу превратиться в подозреваемого. У следствия, видите ли, имеются вопросы к нашей фирме! Смущает их коммерциализация такого серьезного института, как регистрация и прописка! Но, прошу заметить, это все-таки фирма Вельяминова, а я – всего лишь наемная рабочая сила. Но меня нисколько не смущает коммерция! Вы мне покажите сначала такую область деятельности, которая не подверглась коммерциализации! Покажите!

– Да вы не горячитесь, – сказал Гуров. – Я ведь с вами не о прописке собирался говорить. Хотя, помнится, еще накануне вы утверждали, что ваша фирма занимается трудоустройством и ничем более...

– Так одно из другого вытекает! Без регистрации вы не найдете в Москве приличной работы. Зачем же прятать голову под крыло?

– Вот и я спрашиваю – зачем? – улыбнулся Гуров. – А тем более зачем убивать человека, который помогает найти людям приличную работу, и все у него тип-топ?

– Ну уж не знаю, насколько все было тип-топ, – внезапно успокаиваясь, сказал Храпов. – Но это убийство для нас с Анной Викторовной явилось не меньшей неожиданностью, чем для вас. Даже предположить не могу, кому шефа убивать понадобилось.

– А вам и не надо ничего предполагать, – заметил Гуров. – Вы нам просто скажите, с кем должен был встретиться вчера Вельяминов, когда он об этой встрече договаривался и кто при этом присутствовал.

– Звонок поступил примерно минут за сорок до трагедии, – немного помедлив, ответил Храпов. – То есть Вельяминов уже накануне предупредил, что намерен встретиться с юристом, но тот должен был уточнить время. Вот он и позвонил.

– А точно звонил он?

– Ну-у, не знаю, – развел руками Храпов. – Наверное, Вельяминов не мог перепутать. Пойдите, вы считаете, что этим звонком Вельяминова выманили под пули? Вы полагаете, его подставил собственный юрист?

Гуров поморщился.

– Не нужно версий, Борис Иванович! – сказал он. – Вы же уже не работаете в органах. Но, если хотите, примерно так я и рассуждал. Преступникам нужно было знать время, когда Вельяминов покинет контору, и они могли узнать его только от вас или от того, кто звонил Вельяминову. Не могу утверждать, что мне известно, кто звонил, поэтому предполагаю, то, что лежит, так сказать, под рукой, – юрист.

– Ловко! Завтра нас объявят соучастниками убийства! – воскликнул Храпов. – Что называется, приплыли!

– Ну, до завтра еще дожить надо, – философски заметил Крячко, с интересом прислушивавшийся к разговору. – Сегодня мы про юриста спрашиваем. Знаешь ведь, кто такой, а ходишь вокруг да около, как сам намедни сказал.

Озадаченный Храпов посмотрел на него, подумал, не обидеться ли на неожиданное «ты», но не стал обижаться.

– Вот вы все смотрите на меня, как на врага народа, – хмыкнул он, – а на самом деле, какой же я враг? Я двенадцать лет милиции отдал! В армии до того шесть лет оттрубил. Полжизни в строю!

– Что же ты из строя-то вдруг вышел? – с иронией поинтересовался Крячко.

– Были причины, – нахмурился Храпов. – Дочерей на ноги ставить надо? А у меня их трое – не шутка! По нынешним временам на зарплату мента не разгуляешься. И ведь,

главное, все это понимают, а воз и ныне там! Одним словом, поддался я искушению, не буду от вас скрывать. Этот самый Вельяминов вовремя подвернулся. Он тогда еще без офиса дела делал, с колена, так сказать. Ну, он меня и убедил, что за услуги можно брать неплохие деньги. Главное, подходящего клиента найти. А у него на этих клиентов нюх был.

– И кто-то из ваших клиентов потом бомбу в метро установил – к этому ведешь? – строго спросил Гуров, тоже невольно переходя на «ты».

Храпов опустил глаза.

– Не думаю, что до этого дошло, – буркнул он, – но если честно, встречались среди этой публики разные экземпляры. А вот последнего, кстати, никто из нас и в глаза не видел. Я так понял, что не хотелось ему на глаза лишний раз показываться. Это вот тот самый Забелин Григорий Ерофеевич, гражданин Казахстана, паспорт на которого делал сам Вельяминов. Не знаю уж, какой это Забелин и точно ли из Казахстана, но им лично Вельяминов занимался, хотя подготовительную работу делала Веселова. Но, повторяю, никто из нас этого человека и в глаза не видел. Это достаточно необычно.

– Ага, значит, какая-то версия у вас в голове все-таки вертелась! – заметил Гуров. – Довели ее до сведения Кудасова?

– Откуда у меня версия? – возразил Храпов. – Мне по штату не положено. Версиями пусть гражданин Кудасов сам занимается. А это просто в голову вдруг пришло. Без протокола.

– Ну, ладно, без протокола так без протокола, – согласился Гуров, снова обретая душевное равновесие. – Так вы нам скажите, Борис Иванович, без протокола – и частенько у вас возникали такие клиенты, как этот Забелин?

– Говорю же, практически впервые, – ответил Храпов. – Разная публика в Москву тянется. Кто бизнес открыть стремится, кто просто работенку по душе ищет, а кто и покруче чего затевает. Только ведь намерения не обязательно превращаются в деяния, и, как профессионал, вы это знаете не хуже меня.

– Допустим, – сказал Гуров. – Ну а все-таки не щемило вот здесь, Борис Иванович, когда в обход правил людей регистрировали?

– Не-а, не щемило, – спокойно объяснил Храпов. – Во-первых, регистрировал все-таки не я, а компетентные органы. Во-вторых, сам институт регистрации, как вы знаете, вызывает большие сомнения. Некоторые считают, что это вообще нарушение прав человека. Ну и в-третьих, у Вельяминова лицензия имелась на этот вид деятельности. Вы, наверное, уже выяснили, что наша контора – всего лишь составная часть довольно солидной организации, и эта организация получала «добро» на самом верху.

– Ну, положим, не на самом, – сказал Гуров. – Но в чем-то вы правы. Кудасову вряд ли удастся вам инкриминировать что-либо серьезное. Однако беседу мы ведем без протокола, в основном упирая на мораль, Борис Иванович. Так вот насчет морали – душа-то у вас на месте? Сами ведь признаете, что помогали легализоваться черт знает кому.

– Я просто делал свой бизнес, – пожал плечами Храпов. – Сейчас люди занимаются и кое-чем похуже. Взгляните хоть на свое родное ведомство.

– Да, вам-то оно уже родным вряд ли станет, – заметил Гуров. – И критика ваша, как говорится, не в бровь, а в глаз. Одним словом, раскаяния мы не добились, давайте хотя бы адрес юриста, к которому собирался вчера Вельяминов, и закончим на этом.

– Скажу откровенно, каяться я еще не готов, – желчно произнес Храпов. – Вот как увижу, что начали каяться те, кто миллионами ворочал, так и я, может быть, подтянусь. А до тех пор – ни-ни! А юрист, который с Вельяминовым сотрудничал, – это Бардин Георгий Владимирович. Он работает в одной из юридических консультаций, вы его там в любой день найдете с девяти до часу...

Храпов назвал адрес и поинтересовался, может ли быть свободным. Гуров не видел причин задерживать бывшего коллегу, тем более что ничего существенного тот больше сообщить не мог.

Когда Храпов ушел, Гуров сказал Крячко:

– Юрист это или не юрист, но Храпов, я считаю, категорически не причастен к убийству. Я внимательно ознакомился с его делом, созвонился с его бывшим начальником. Храпов характеризуется как исполнительный и профессиональный работник. Однако у него действительно большая семья, и ему постоянно были нужны деньги. На этой почве он и с Вельяминовым сошелся. Из-за этого у него и на работе случился конфликт. Храпову предложили сделать выбор, и он выбрал Вельяминова. Все это время он служил Вельяминову верой и правдой и, видимо, неплохо зарабатывал. Зачем ему было рубить сук, на котором он так удобно сидел?

– Мало ли? – живо отозвался Крячко. – Его могли запугать – раз! Его могли купить – два! Личная неприязнь, наконец. Вдруг Вельяминов крутил с его женой?

– Твои предположения противоречат одно другому, – спокойно возразил Гуров. – И матери, у которых трое детей, обычно не крутят любовь. Но даже если такое случилось, то, по-твоему, выходит, что заказчик – сам Храпов. Тогда при чем тут – купить, запугать? Да и сколько ему могли заплатить за один-единственный звонок? У меня есть подозрения, что в этом деле даже исполнители работали за гроши, потому что не имели надежной репутации. Запугать могли, это да, это у нас умеют. Но ведь он бывший мент, прекрасно должен понимать, что после запугивания следующий шаг – убийство, и для него лучший выход – признаться, пока не поздно... Это я еще не говорю о Веселовой, которая всегда рядом, все видит и все подмечает... Конечно, чего только не случается в жизни. Трудно себе представить, что такой маленький дружный коллектив вдруг решил избавиться от своего шефа. Вот и насчет господина Бардина, юриста, я не уверен. Для начала хотелось хотя бы взглянуть на него.

– Как скажете, гражданин начальник, – пожал плечами Крячко. – Взглянуть так взглянуть. Будем посмотреть, как говорят в Одессе.

Глава 3

Человек по другую сторону стола был предельно корректен, но абсолютно неумолим. Давыдов едва сдерживался, глядя на его постную продолговатую физиономию, на прилизанный пробор и неподвижные, как у служебной овчарки, глаза. А в его ситуации сдержанность и хладнокровие оставались едва ли не единственным оружием. Давыдов сумел усмирить страсти, бушующие в его душе, и дослушал визитера до конца.

– Прошу обратить ваше внимание, уважаемый Алексей Петрович, что теперь у нас на руках имеется заключение районного суда, которое недвусмысленно указывает на необоснованность ваших претензий. И у нас имеется, если вы не забыли, протокол собрания акционеров, который вы пытались оспорить...

– Липовый протокол липовых акционеров! – резко сказал Давыдов.

Прилизанный терпеливо выслушал и продолжил:

– Суд считает иначе. Все-таки мы живем в правовом государстве, Алексей Петрович, и должны строить наши отношения на основании закона. Если вы не согласны с нашей позицией, оспаривайте ее в судебных инстанциях, это ваше право. Ваши эмоции тут совершенно излишни.

В глазах его совсем ничего не отразилось, даже торжества. Это был взгляд сытого удава, который уже проглотил своего кролика. На какой-то миг Давыдову стало по-настоящему страшно. У него было такое ощущение, словно пол под ним стал вдруг медленно проваливаться в преисподнюю. Впрочем, там он, наверное, и окажется, если его враги победят. Ну если не в преисподней, то в яме, из которой невозможно будет выбраться, это точно. Давыдов многое сейчас бы дал, чтобы повернуть время вспять. Он был бы куда осмотрительнее и постарался бы обзавестись друзьями повлиятельнее. Хотя у этих-то наверняка такая «крыша», о какой Давыдову даже мечтать не приходилось. У него всего-то оставался шанс – воспользоваться советом парламентаря и добиваться правды в суде. Шанс призрачный, но все же был.

Гость истолковал его молчание по-своему и посчитал разговор законченным. Он поднялся, не сгибая спины, точно дельфин, вынырывающий из воды, и промолвил:

– Так я пойду, Алексей Петрович. Надеюсь, вы проявите благоразумие и не станете отрицать очевидное. Фирма «Коннект», которую вы имели счастье возглавлять, исчерпала свой потенциал. Примите это как факт и не делайте резких телодвижений. Так вам будет легче, поверьте мне. Мы даем вам еще два дня. По истечении этого срока мы вернемся, но уже с судебными приставами. Зачем вам этот скандал? Конечно, про вас скажут по телевизору, но это плохое утешение для делового человека, согласитесь!

– Бумажки свои не забудьте! – сквозь зубы сказал Давыдов. – Мне здесь лишнего мусора не надо.

– Это не мусор, Алексей Петрович, и вы это прекрасно знаете. А оставляю я вам копии намеренно. Они единственное, что должно сейчас занимать ваше внимание. Почитайте, подумайте и постарайтесь принять неизбежное. Вы же умный человек!

– А вы на редкость любезны, – сдерживая ярость, сказал Давыдов. – Случайно, не дипломатом раньше работали?

– Ну что вы! – скупно усмехнулся визитер. – Я в школе естественные науки преподавал – ботанику, зоологию... Потом убедился, что в обществе действуют те же законы, что и в природе. Если отбросить искусственные моральные нормы, то остается все то же – сильный поедает слабого. Естественный отбор! Мне, знаете, не захотелось быть съеденным. Поэтому я постарался прибиться к сильным, Алексей Петрович. И вам рекомендую на будущее.

– Ну, насчет будущего мы еще посмотрим, – не слишком бодро произнес Давыдов. – Погодите радоваться. Борьба еще не закончилась.

Прилизанный пожал плечами.

– Всего хорошего, Алексей Петрович! – сказал он. – Хотя откуда ждать хорошего, если вы столь неконструктивно настроены? Впрочем, это ваше дело.

Он слегка поклонился и вышел из кабинета. Давыдову очень хотелось запустить ему вслед чем-нибудь тяжелым, но он сдержался. И в этот момент зазвонил телефон. Давыдов снял трубку и раздраженно сказал: «Алло! Слушаю!» Намеренно или случайно он не произнес вслух названия фирмы, как это делал обычно, и этот факт неприятно поразил его.

«Похоже, ты свыкаешься с мыслью, что фирма уже не твоя, Давыдов!» – презрительно подумал он.

– Привет! – раздался в трубке поразительно знакомый голос. – Как дела? Чувствую по настроению, что неважно. Может быть, я могу чем-то помочь? Может быть, стоит расслабиться где-нибудь за рюмочкой коньячку, а?

– Какой, к черту, коньяк? – раздраженно выкрикнул Давыдов, досадуя на себя за то, что никак не может угадать имени звонящего. – Кто это говорит?

– Ну здравствуйте! – иронически сказал собеседник. – Должник твой, не узнал, что ли? Я же тебе за кофе остался должен, и вообще.

– Пашка? Ковбой?! – воскликнул Давыдов. – Черт, не узнал! Голова другим занята...

– Так я и предлагаю – разгрузить твою бедную голову, – засмеялся Пашка. – Не все же работать на износ. Давай встретимся, поговорим по душам. Последний раз не получилось, но сегодня, обещаю, все будет путем.

На этот раз Давыдов уже не был в восторге от встречи со старым другом, но груз забот, который с каждым днем все сильнее давил на его плечи, делался почти невыносимым. Давыдову вдруг захотелось действительно все бросить и забыться хотя бы на пару часов.

– Ладно, я готов, – сказал он. – Куда пойдешь? Ты какой ресторан предпочитаешь?

– Я, брат, человек скромный, – ответил Пашка. – Я ресторанов не люблю категорически. Есть тут одно заведение, я как раз рядом стою – «Таврида» называется, – подъезжай сюда, если не передумал. Роскоши здесь маловато, но кормят прилично, проверял. Рыбу любишь? Жареную, с лучком?

– Что за фантазии? – проворчал Давыдов. – Таврида-ставрида! Неужели мы не можем посидеть в нормальной обстановке? Я давно отвык от забегаловок.

– А вот это зря, – серьезно сказал Пашка. – От суммы и от тюрьмы, как говорится... Короче, желаешь меня видеть – подъезжай в район Свиблово на Уржумскую улицу. Буду ждать минут тридцать, потом уйду. Ну что решаешь?

– Ладно, буду, – разочарованно сказал Давыдов.

Перед отъездом он хотел вызвать в кабинет заместителя и юриста – дать им задание ознакомиться с документами и поломать голову над стратегией выхода из тупика, куда их загнали, но потом просто махнул рукой. По правде говоря, в последнее время он не доверял ни заместителю, ни юристу. У него были подозрения, что они снюхались с нахрапистым конкурентом. Вообще Давыдову все чаще стало казаться, что люди вокруг него скрывают свое истинное лицо и все его соратники давно переметнулись на вражескую сторону, дожидаясь часа, когда об этом можно будет заявить открыто. Все это уже смахивало на скрытую шизофрению и тяготило Давыдова даже больше, чем происки конкурентов.

Он подъехал к назначенному месту через двадцать минут после разговора. В этом районе Москвы он бывал нечасто, а можно сказать, и не бывал вовсе. Пейзаж показался ему стандартным и довольно унылым. Кафе «Таврида» не понравилось вовсе. Оно оказалось даже хуже, чем Давыдов представлял его в своем воображении. Оно напомнило ему предприятие общественного питания из далекого советского прошлого, пресловутую «стек-

ляшку», причем эти самые стекла были вымыты настолько неважно, что у Давыдова окончательно испортилось настроение. Ему показалось, что, пригласив его сюда, Пашка как-то особенно издевается над ним, хочет доказать что-то, ему одному понятное. Это раздражало.

Тем более что самого Пашки в поле зрения не обнаруживалось. Давыдов велел Савелию ждать и, насупившись, вышел из машины. С неприступным замкнутым видом он дважды прошелся мимо дверей «Тавриды» и снова убедился, что его никто не ждет. Промелькнула мысль, что у Пашки лопнуло терпение гораздо раньше назначенного им срока и он убрался отсюда до приезда Давыдова. Судя по всему, так оно и было. Все-таки для очистки совести Давыдов решил подождать еще пять минут, но ни одной минутой дольше. После этого на душе у него стало как-то спокойнее, и он был вынужден нехотя признать себе, что эмоции его в отношении Пашки поменялись на диаметрально противоположные. Если три дня назад он готов был броситься Пашке на шею, то сегодня обрадовался бы, если бы убедился, что Пашка не появится. Что-то в Давыдове поменялось и не только из-за скомканной первой встречи. Откровенно говоря, старый друг Пашка показался ему человеком из абсолютно чуждого мира, живущим по каким-то особым законам. «Господи, да не в бандиты ли он подался? – вдруг осенило Давыдова. – Весельчак Пашка, широкая душа... Или он, как этот долбаный учитель, тоже открыл для себя закон эволюции? Будем надеяться, что это не так... Однако пора сматывать удочки! Совершенно ясно, что Пашки здесь уже не будет».

И только Давыдов об этом подумал, как перед ним словно из-под земли вырос Пашка. Сегодня он был в невзрачном мешковатом костюме немаркого бурого цвета – наряд как раз подходящий для такого центра досуга, как «Таврида». На носу у Пашки сидели черные очки, и он был очень коротко пострижен. Пожалуй, не подойди Пашка вплотную, Давыдов мог бы его и не узнать.

– Привет! – сказал Пашка, крепко пожимая Давыдову руку и незаметно подталкивая к дверям «Тавриды». – Вижу по лицу, что недоволен, но придется смириться, гордый сын пустыни!

Шутливый тон его не очень понравился Давыдову.

– Почему это сын пустыни? – хмуро спросил он.

– Да потому что, по большому счету, вся эта страна – большая пустыня, по которой бродят миражи и призраки, – объяснил Пашка. – Ты не согласен? Ну, это и неважно! Придет время, и ты поймешь, насколько я был прав.

Он почти силой затащил Давыдова в кафе и усадил за столик в глубине зала. Здесь было не слишком комфортно: из-за какой-то приоткрытой двери несло запахом пригоревшего масла – видимо, поблизости располагалась кухня. Зато отсюда можно было видеть все помещение, включая вход в кафе, и Давыдову показалось, что это обстоятельство особенно привлекало Пашку. Он тут же подозвал официанта и доверительно, будто сообщая страшную тайну, продиктовал тому заказ, ничем, впрочем, особенным не отличавшийся: водка, салат, картошка и какая-то фирменная рыба, жаренная по сугубо эксклюзивному рецепту, – видимо, ею и воняло из-за двери.

Давыдов поморщился, но промолчал. Теперь он припомнил, что Пашка всегда любил рыбу – жрал ее, когда только было возможно. По прошествии лет вкусы его не изменились. И еще Давыдов вспомнил интимно приглушенные светильники, вышколенных официантов и аппетитные ароматы восточной кухни в своем любимом ресторане. Он не шиковал, но к хорошей кухне привык и возвращаться теперь к студенческому общепиту, к жаренной на скорую руку тюльке совсем не хотелось. Однако внутренний голос злорадно шепнул ему: «Когда у тебя отберут фирму, придется вернуться, господин Давыдов! Гляди еще, и тюлька будет тебе не по карману, зазнайка».

– Послушай, – вдруг живо сказал Пашка, закуривая сигарету и с интересом глядя на Давыдова. – А чего ты вообще такой смурной, Лешка? У тебя белая «Ауди», номер 734,

верно? Водилу держишь. В кафе тебе жрать противно – значит, денежки водятся. Откуда скорбь?

Давыдов встретился с ним взглядом и еще раз поразился, насколько изменился Пашка за эти годы. И дело было даже не в том, что прибавилось на лице морщин и жестче стали глаза. От Пашки ощутимо веяло холодком, как из выстуженного коридора. Он и сейчас был где-то далеко-далеко, однако все замечал, паршивец, и даже вот номер машины назвал. У Давыдова жена, например, никак не могла запомнить номер собственного автомобиля, а этот, видишь, с первого раза... Прежде он вроде не был таким наблюдательным. Из чистой осторожности Давыдов не стал спешить с изложением подробностей своей жизни.

– Да есть причины, – скупно сказал он, – как ты выразился, для скорби.

Дальше наступила пауза, потому что принесли заказ, и Пашка с ходу предложил выпить по чарке, чтобы переключиться на более оптимистическую волну. Они выпили понемногу, и Пашка принялся с аппетитом хрустеть поджаренной до золотистой корочки рыбой. Давыдову есть не хотелось, он хлопнул еще рюмку, и постепенно оттаял. Ему удалось на некоторое время если не забыть о проблемах, то хотя бы посмотреть на них без сильных эмоций, с тем любопытством исследователя, с каким, например, зоолог смотрит на опасного, но интересного для науки гада. Он по-прежнему был утопающим, но сейчас он как бы смотрел на свое погружение со стороны, через стекло иллюминатора.

– У тебя вообще что за бизнес? – спросил Пашка, наяривая челюстями. – Продукты питания, игровые автоматы?

– Плохо ты обо мне думаешь, – сказал Давыдов. – Это не наука в чистом виде, конечно, но в прикладном значении... У меня фирма под названием «Коннект». Ведь ты знаешь, сколько у нас талантливых ребят – технарей, программистов... И направить свои силы и талант на что-то нужное и полезное им не всегда удается. А мы как раз занимаемся очень интересным и нужным делом. Наша фирма внедряет кое-какие свежие разработки – компьютерные программы, комплектующие для компьютеров, мониторы – все наше, родное! И кое-что у нас получается совсем неплохо. Скажу тебе по секрету, кое в чем мы самому Биллу Гейтсу нос утерли! Увы, пока только на нашем рынке, но если бы не постоянные палки в колеса...

– Какой у тебя годовой оборот? – деловито спросил Пашка.

– Не слишком большой, около миллиона, – сказал Давыдов. – Но это ведь как посмотреть. Такое производство стране нужно позарез, высокотехнологичное, относительно недорогое и доступное. В планах у нас было открыть филиалы в других городах, чтобы расширить рынок сбыта...

– Понятно, – мотнул головой Пашка. – Планы у вас были наполеоновские, но ребята, которые везут из-за бугра «серую» электронику, возмутились, что вы отбиваете у них хлеб. Правильно я говорю?

– А вот и нет, – сказал Давыдов. – Все гораздо примитивнее и противнее. Есть один делец – Величко его фамилия. Не слишком известная личность, но предельно настырная и имеющая, судя по всему, неплохие связи. Понемногу, но везде – в судебной системе, в администрации, в милиции. Ему просто приглянулись наши площади. У нас лаборатория и несколько цехов на Фестивальной. Мы добились аренды еще пять лет назад. У меня тогда был хороший знакомый в мэрии. Теперь конъюнктура изменилась, он тяжело болен, и, в общем-то, я остался совершенно без прикрытия. Знаешь, как мы привыкли – сегодня хорошо, ну и ладно, думаешь, что и завтра будет то же самое. Сейчас-то я понимаю, что нужно было обрастать новыми связями, ломать себя, давать почаше на лапу...

– Не причитай, – перебил его Пашка. – Скажи, что у тебя случилось конкретно.

– Да что случилось? – горько усмехнулся Давыдов. – Слышал такой термин – рейдеры? Это те ребята, которые правдами и неправдами оттяпывают чужие фирмы...

– Что такое рейдеры, я знаю, – сказал Пашка. – Ты о себе давай!

– Наше общество акционерное, – принялся объяснять Давыдов. – Эти шакалы сумели втихую скупить часть акций, а возможно, и самих акционеров, или наобещали им приличные дивиденды в будущем – неважно. Одним словом, на нашем прекрасном корабле обнаружилось немало крыс. Но это еще не все. Эти ушлые ребята раскопали, что при формировании «Коннекта» не были соблюдены все юридические формальности. Пустяки, мелочь, но они прицепились к этому намертво. Организовали судебное разбирательство, где сумели доказать неправомочность старого совета акционеров, а заодно и моего пребывания у руля компании, причем проделали все это за моей спиной – о судебных заседаниях я всегда узнавал задним числом. А они от имени «Коннекта» представляли в суд документы о причинах моих неявок, заведомо ложные, но непременно меня порочащие. Например, одной из причин указывалось мое пребывание в вытрезвителе! Если бы я знал наперед, как все обернется, я бы уволил этих крыс, которые мутят в коллективе воду! Но теперь поздно. У меня теперь только два выхода – или погрязнуть в пучине судебных разбирательств, постоянно ощущая у себя за спиной дыхание предателей, или сдать на милость победителей, рассчитывая, что они уступят мне какое-нибудь тепленькое местечко в своем новом холдинге. Разумеется, я буду бороться, но, честно говоря, в успех я не верю, Паша! У них все куплено. Суд просто пляшет под их дудку.

– А тебе, выходит, это не по карману? – почти утвердительно произнес Пашка, внимательно наблюдая за Давыдовым, но при этом не переставая жевать.

– Допустим, я мог бы пойти тем же путем. Деньги бы нашлись. Но вот так откровенно, нахрапом я не могу. И потом, тут не только деньги. Я же тебе говорю, конъюнктура. Я понадеялся на свои старые связи, а когда оглянулся по сторонам, то понял, что мир в очередной раз изменился. Величко прет как танк, чувствует за собой крепкие тылы. Собственно, формально он уже своего добился. Теперь мне приходится отбрыкиваться и доказывать, что я не верблюд.

– Да, история! – покачал головой Пашка. – Ну а если все выйдет не по-твоему? Есть какие-нибудь планы?

– Не знаю. Голова кругом. Знаешь, как у боксера, которого послали в нокдаун.

– Про боксера не скажу, а вот тебя знаю как облупленного. Ты не готов долго держать удар. Если уж мы перешли на спортивный язык, длинная дистанция тебе не по зубам. Не обижайся, но это так. От тебя все ждали огромных успехов в науке – не получилось. Взятся за бизнес, и тут тебя обошли. А нужно было, как ты говоришь, обрастать связями, а не радоваться деловым успехам. Помнишь, как товарищ Сталин сказал про головокружение от успехов? Это для тебя они – успехи, а для окружающих – предмет зависти и вожделений. Как только увидели, что твоя скорлупа дала трещину, – тут тебе и врезали.

– Да, наверное, – понурился Давыдов.

Он заметно опьянел. После стрессов и бессонных ночей у него стали здорово сдавать нервы. Сейчас после водки и исповеди он расслабился, и его охватило странное равнодушие. Давыдову захотелось все к черту бросить и уехать куда-нибудь на край света, где ничего нет, кроме пустынного берега и одинокого маяка, открытого всем ветрам.

– Ну, ошибку никогда не поздно исправить, – благодушно сказал Пашка и твердой рукой налил водку в рюмки. – Каждая ошибка – это урок на будущее, верно? Тем более что я могу попробовать помочь твоему горю. Ну, будем!

Он поднял рюмку и опрокинул ее в рот. Давыдов с удивлением посмотрел на него и попытался сообразить, не ослышался ли он.

– Ты можешь мне помочь? – недоверчиво спросил он. – Каким образом?

Пашка помотал головой, подцепил вилкой кусочек огурца из салата и отправил его вслед за выпитой рюмкой.

– Во-первых, я не сказал, что могу помочь, – уточнил он. – Я сказал, что могу попробовать. Это не одно и то же. Но шанс у тебя есть.

– Интересно! И что же это за шанс?

– А вот это тебя не должно волновать. Это моя забота.

– Ты, случайно, не добрым волшебником работаешь?

– Совсем нет. Не волшебником и уж, конечно, не добрым, – усмехнулся Пашка. – Так, например, с тебя я намерен слупить за помощь кругленькую сумму. Сколько тебе не жалко?

– При чем тут жалко или не жалко? – начиная волноваться, сказал Давыдов. – Что ты собираешься предпринять? У тебя есть связи в кругу юристов? Или в московской администрации? Честно говоря, мне казалось...

– Знаю я, что тебе казалось, – отмахнулся Пашка. – Но повторяю, мои связи – не твоя забота. Тебе хочется избавиться от давления со стороны конкурентов? Если договоримся о цене, я попробую это для тебя устроить. Не получится – значит, не судьба. Ну, что решил?

– Ну, допустим, я говорю «да», – осторожно произнес Давыдов. – И что дальше?

– А дальше ты будешь должен выполнить несколько моих условий, – невозмутимо сказал Пашка. – Выполнить неукоснительно. Но сначала все-таки о сумме. За все я хочу сто тысяч долларов. У меня не крокодильи аппетиты. Живу скромно.

– Сто тысяч? – с сомнением повторил Давыдов. – Ну что ж, наверное, это не такие большие деньги за спасение фирмы. Но мне придется напрячься, чтобы собрать такую сумму. И я все-таки хотел бы знать, что ты намереваешься предпринять.

Пашка посмотрел ему в глаза строгим взглядом и медленно проговорил, подчеркивая каждое слово:

– Одно из моих условий – никакого интереса к моей работе. И вообще не упоминать нигде моего имени. Конфиденциальность в наших общих интересах. А с деньгами я тебя торопить не буду. Надеюсь, аванс в десять тысяч ты потянешь? А далее сам отрегулируешь сроки – в зависимости от того, насколько будет эффективной моя работа.

– Мне нужно подумать, – с ноткой растерянности в голосе сказал Давыдов. – Все это так неожиданно...

– Думай, – кивнул Пашка и налил Давыдову водки. – Только не очень долго, потому что через день-другой все может измениться, и ты окажешься в положении человека, который явился на вокзал, когда все поезда уже ушли.

Несмотря на выпитое, сердце Давыдова опять наполнилось тревогой. Но Пашка не дал собеседнику возможности предаться сомнениям. Он деловито продолжил:

– Пока думаешь, составь списочек. Всех, кто тебе в данную минуту мешает жить. Ну, там, Величко и те его «шестерки», которые грязную работу делают. Ты же наверняка знаешь кого-то из них. Особенно интересно, кого они приготовили на твое место. Все, что знаешь об этих людях, всю доступную тебе информацию – занеси в список. Завтра утром я тебе позвоню и скажу, где мы встретимся.

– Просто детектив какой-то! – пробурчал Давыдов. – Даже и не знаю, что думать. Ты предлагаешь мне помощь в таком щекотливом деле, а о себе ничего не говоришь.

– Я занимаюсь очень специфическими делами, – спокойно ответил Пашка. – Но тебе лучше не забивать этим голову. У тебя и так работы по горло. Занимайся судебными делами – апелляцию подавай, в комитет по имуществу жалобу – в общем, развивай бурную деятельность. И светись побольше в разных местах, чтобы все время на глазах у людей быть, понял? А мне завтра – список. И на этом пока все.

И на этом действительно все закончилось. Пашка внезапно вспомнил, что у него важная встреча, расплатился с официантом, тепло попрощался с Давыдовым и исчез так же незаметно, как и появился. Совершенно сбитый с толку, Давыдов залез в машину и приказал Савелию ехать в фирму.

Савелий молча завел машину и поехал. Однако что-то будто мучило его. Он ерзал на сиденье, а потом вдруг спросил:

– Алексей Петрович, а что это за человек, с которым вы сейчас встречались? Я его мельком у кафе видел, вы его давно знаете?

У Давыдова начинала болеть голова, он был страшно недоволен собой, и расспросы Савелия вызвали у него досаду.

– Старый друг, – буркнул он. – Тот самый, про которого я тебе в тот раз говорил. Тогда поговорить не удалось – вот сегодня встретились... А что?

– Да так, ничего, – помолчав, ответил Савелий. – Вроде я его раньше видел. Показалось, наверное.

Глава 4

В работе оперативника, как и в любой другой, также бывают счастливые случайности. Реже, чем того хотелось бы, но чаще, чем это можно себе представить. Разумеется, в отчетах факт случайности никак и никогда не отражается. Все успехи объясняются кропотливой и самоотверженной работой, и это, наверное, правильно, потому что в серьезном документе странно будут смотреться, например, такие слова: «А восьмого июля в результате счастливой случайности мы вышли на след опасного преступника...» Начальство вряд ли оценит такую искренность по достоинству.

Но восьмого июля Гурову и Крячко действительно повезло. Причем даже чуткая интуиция Гурова в этот день ничего ему не подсказывала. Вместе с Крячко они собирались навестить Бардина – человека, который оказывал Вельяминову юридические услуги. Учитывая изворотливость и красноречие профессиональных адвокатов, Гуров приготовился к длинной и вязкой беседе без особых надежд на положительный результат. Вельяминов был человеком, мягко говоря, неоднозначным и сложным, и юридические услуги, в которых он нуждался, наверняка тоже были специфическими, такими, о которых не принято говорить вслух. Для начала Гурову хотелось хотя бы присмотреться к Бардину, уяснить для себя, что это за человек, прощупать его слабые места, чтобы знать наверняка, с какой стороны к нему заходить. К тому же визит оперативных сотрудников – это всегда стресс, и человек, если у него не очень чиста совесть, реагирует на него крайне болезненно. Настолько болезненно, что начинает суетиться, прятать в воду концы и совершать прочие необдуманные поступки. Если Бардин потеряет хладнокровие, это будет Гурову на руку.

Они с Крячко явились в юридическую консультацию, где работал Бардин, к девяти часам утра, но оказалось, что их уже опередили. В кабинете у юриста уже сидел посетитель, и еще один дожидался в коридоре – довольно неприятный на вид субъект с тяжелой челюстью и водянистыми подозрительными глазами. Он, сгорбившись, сидел на стуле и, то и дело сглатывая слюну, мрачно поглядывал на Гурова с Крячко, словно давно решил для себя, что им здесь не место. Он был очень похож на человека, мучающегося с похмелья, но вынужденного терпеть эти муки ввиду полного безденежья.

Гуров и Крячко не стали форсировать события и скромно присели на свободные места. Табличка на двери Бардина поясняла, что хозяин кабинета оказывает не только юридические услуги общего характера, но является также и нотариусом. Это навело Гурова на некоторые подозрения, которые, как вскоре выяснилось, вполне оправдались.

Но сначала ничего особенного не происходило. За дверью слышалось приглушенное бубнение мужских голосов, но слов разобрать было невозможно. В оконное стекло настойчиво билась заблудившаяся муха, а из коридора доносились обычные для офисов звуки – шаги, телефонные звонки, щелканье клавиш – в здании, кроме юридической консультации, обреталось еще множество контор, по-видимому, совершенно необходимых для общества, потому что поток посетителей не убывал ни на минуту.

А потом что-то произошло. Они услышали, как в кабинете Бардина что-то затрещало, раздался сдавленный крик, и звякнуло стекло. Затем наступила короткая пауза, после которой снова послышалась странная возня. Этот набор звуков совершенно не вязался с чинной табличкой на двери, и очень не понравился Гурову. Он тут же встал и сделал шаг к двери, чтобы заглянуть в кабинет. Но тут мрачный субъект с неожиданным проворством вскочил со стула и преградил Гурову путь.

– Сядь, папаша! – с угрозой процедил он сквозь зубы. – Не видишь, здесь очередь?

– Это ты, что ли, очередь? – спросил Гуров рассеянно. – Извини, но, по-моему, там что-то не то происходит.

– Там все нормально происходит, – убежденно заявил человек с водянистыми глазами. – Сядь и жди, как все люди.

Он был настолько серьезно настроен, что даже надвинулся грудью на Гурова, намереваясь силой оттеснить его от двери. Гуров, прищурившись, посмотрел на него сверху вниз и медленно сказал:

– Уберите ногу – я испорчу вам дорогой ботинок!..

Крячко понял, что пора вмешаться в события и ему. Он подскочил к гуровскому визави сбоку и цепко взял его за локоть.

– Остынь, симпатия! – сказал он. – А то будешь иметь проблемы. Ты уже их имеешь. Ну-ка, предъяви свои документы!

«Симпатия» не ожидал такого напора и растерялся. Однако свою линию он продолжал гнуть четко. Нахмурившись и глядя исподлобья на Крячко и Гурова, он отступил к двери, заслонив ее спиной, явно имея целью любой ценой не допустить оперативников в кабинет.

Но в этот момент дверь с грохотом отворилась, чувствительно саданув его между лопаток, а из кабинета вывалился еще один странный тип – с красным от напряжения лицом, со вздувшимися жилами на шее и с бешеными глазами. Он был одет в дорогой светлый костюм, но смотрелся сейчас непрезентабельно, одежда на нем словно стояла дыбом – галстук сбился набок, воротничок рубашки вылез из-под пиджака, а верхняя пуговица была вырвана с мясом.

– Пошли отсюда, Жмых! – рявкнул он, одергивая пиджак и глядя на Гурова злым взглядом.

Обращался он, однако, не к Гурову, а к тому, кого только что шараянул дверью. Тот среагировал мгновенно, и оба странных посетителя стали быстро удаляться по коридору.

Но Гуров тоже не терялся. Сквозь открытую дверь он мельком увидел довольно необычную картину – возле стола с оргтехникой на полу сидел человек в хорошем костюме и носовым платком старательно зажимал правый глаз. Его физиономия тоже была налита багровым цветом, точно он только что вышел из русской бани.

– Задержи этих! – коротко бросил Гуров Крячко и влетел в кабинет.

Человек, сидевший на полу, поднял голову и посмотрел на Гурова с некоторым испугом.

– Вам плохо, Георгий Владимирович? – спросил Гуров. – Требуется медицинская помощь?

Человек сделал отрицательный жест и взглянул на платок, который прижимал ко лбу. Тот был весь перемазан кровью.

– Бровь рассек, сука! – негромко, но отчетливо произнес Бардин и поспешно зажал рану снова. – Вы ко мне на прием? Тогда прошу меня извинить. Мне нужно время, чтобы привести себя в порядок.

– Ладно, тогда я сейчас, – сказал Гуров и побежал искать Крячко.

Полковник Крячко полагал, что сумеет выполнить приказ Гурова без особых проблем. Все-таки они все находились в общественном месте, да и оба скандалиста не казались такой уж грозной силой. Он вприпрыжку догнал странную парочку и ухватил за плечо типа в светлом костюме. Плечо оказалось твердым, словно было вылитое из железа.

– Не спеши так, дружок! – ласково сказал Крячко. – Поговорить надо.

Оба беглеца резко обернулись и в упор уставились на Крячко. Они стояли в глубине вестибюля возле дверей лифта, где уже столпилась группа посетителей, желающих подняться на верхние этажи здания. Дальше у металлической вертушки проверял пропуска охранник. Сквозь стеклянные стены в вестибюль потоком вливалось солнце.

– Какого тебе надо, убогий? – грубо спросил у Крячко человек в костюме. – Убери руки, а то оборву!

Лицо его уже приобрело почти нормальный оттенок, но он по-прежнему кипел от злобы, которую готов был выместить на первом попавшемся недотепе. Крячко в его глазах принадлежал именно к такой категории. Чтобы разубедить его в этом заблуждении, Крячко полез в карман и достал свое служебное удостоверение.

– Милиция! – просто сказал он. – Показывайте документы!

Грубиян коротко выдохнул и саданул Крячко в челюсть. Тот успел среагировать, но удар был настолько внезапный и сильный, что полностью уклониться от него Крячко не смог и полетел на пол. Толпа, дожидавшаяся лифта, ахнула.

– Валим отсюда, быстро! – заорал человек в светлом костюме и с удивительной быстротой помчался через вестибюль, отшвыривая в сторону тех, кто попадался ему на пути.

Он добежал до вертушки, отпихнул охранника, пытавшегося его задержать, и с ходу перемахнул через барьер.

– ...твою мать! – совсем не политкорректно, но с большим чувством выразился полковник Крячко и, не вставая с пола, успел ухватить за лодыжку замешкавшегося Жмыха.

Тот споткнулся, пробежал, уже падая, еще два шага и все-таки растянулся во весь рост на мраморном полу. Все, кто находился в тот момент в просторном вестибюле, словно окаменели. Только охранник с выражением растерянности на лице бежал в эпицентр скандала. Он не был вооружен и не отличался особыми физическими данными, поэтому поднявшийся на ноги Жмых без труда отразил его первый наскок и метнулся к выходу. На пальцах его правой руки сверкнул металл – он уже успел нацепить кастет.

Но Крячко тоже был уже на ногах. Не раздумывая, он бросился вдогонку.

– Стоять! – заорал он, выхватывая из кармана пистолет. – Пристрелю, сволочь!

Но Жмых, видимо, понял, что стрелять в переполненном вестибюле никто не будет, и что есть духу улепетывал вниз по короткой каменной лестнице к вращающимся стеклянным дверям. Крячко, красный и злой, выскочил через турникет и в последнюю секунду, прежде чем Жмых успел выскочить на улицу, выстрелил, целя тому в ногу. Однако пуля ударила в каменный пол, рикошетом отскочила в сторону двери и расколола пополам стеклянную створку. Огромный кусок стекла рухнул под ноги Жмыху, и тот смешно подпрыгнул от неожиданности. Крячко прыгнул на него сзади и, обхватив за плечи, повалил на пол. Жмых рычал и силился вырваться из объятий. В глубине вестибюля какая-то женщина истерически закричала.

В этот момент появился Гуров. Мигом оценив обстановку, он оставил дерущихся в покое и выскочил через разбитую дверь на улицу. Окинув взглядом площадку для парковки, он сразу обратил внимание на серую «десятку», которая нервным юзом выезжала со стоянки. Гуров успел увидеть и знакомый силуэт через боковое стекло – водитель вертел баранку одной рукой, другой прижимая к уху трубку мобильного телефона. Бежать до своего «Пежо», который стоял на самом краю площадки, было слишком далеко. Гуров бросился к серебристому «Опелю», в который неторопливо усаживался солидный молодой человек в белых брюках и сверкающих на солнце штиблетах. На шее у молодого человека был повязан дорожной галстук, на носу красовались солнечные очки стоимостью не меньше сотни долларов, а под мышкой он держал папку из толстой выделанной кожи.

Гуров подскочил как раз вовремя, успев поймать водителя за локоть, прежде чем тот захлопнул дверцу.

– Быстро! Откройте мне дверь! – распорядился Гуров, суя под нос молодому человеку удостоверение и, как бы по ошибке, – табельный пистолет. – Уходит опасный преступник!

Водитель изумленно распахнул рот, но отомкнул дверцы в автомобиле. Гуров упал на сиденье и выдохнул, показывая пальцем:

– За ним! Быстро! – Пистолет он по-прежнему держал в руке, словно по забывчивости.

Молодой человек, так и не сумев закрыть рот, послушно запустил мотор и рванул с места, едва не снеся заградительный столбик.

В серой «десятке» погоню заметили. На углу она неожиданно свернула направо и исчезла из виду.

– Гони за ним! – внушительно повторил Гуров.

Водитель покорно жал на газ, но на углу вдруг ударил по тормозам и взмолился:

– Тут же одностороннее!

Гуров сообразил, что его спутник прав. «Десятка» в нарушение всех правил мчалась теперь по широкому проспекту «против шерсти», и это, похоже, несколько не смущало сидящего за ее рулем водителя. Он бесстрашно подрезал одну машину за другой, пока благополучно не добрался до противоположной стороны проспекта и не скрылся в одном из проходных дворов. Гурову только и оставалось, что проводить машину мрачным взглядом.

Сзади уже вовсю гудели. Молодой человек вопросительно посмотрел на Гурова. На его носу выступили капельки пота.

– Ладно, что выросло, то выросло, – философски заключил Гуров и неторопливо спрятал пистолет под пиджак. – Извини, друг, за то, что напугал. Такой вот форс-мажор получился. Извини.

– Да ладно, проехали, – дипломатично сказал водитель.

Гуров похлопал его по плечу и вылез из машины. «Опель» тут же сорвался с места и умчался. Гуров невозмутимо махнул рукой автомобилистам, которые собрались в небольшую пробку и с остервенением жали на клаксоны. Поток машин медленно тронулся. Кто-то из водителей, проезжая мимо, грязно выругался. Гуров пропустил этот выплеск эмоций мимо ушей и вернулся на стоянку.

Когда он вошел в вестибюль здания, там вовсю бушевали страсти. Какая-то светловолосая ухоженная женщина в элегантном светло-желтом костюме насадала на Крячко, жала его резкими злыми фразами.

– Что вы себе позволяете?! Вообразили, что вам все позволено?! Да у меня такие связи в Генеральной прокуратуре!.. Совсем оборзели, менты проклятые! Вы знаете, сколько стоит такая дверь? А моральный ущерб? А...

За ее спиной стояли два охранника в форменной одежде. На их лицах было написано почтительное равнодушие. Крячко со своей простоватой физиономией, в мятой одежде, со свежей царапиной на щеке, и еще не окончательно пришедший в себя после схватки, выглядел скорее не оборзевшим ментом, а недотепой-супругом, которого честит властная и энергичная жена. К тому же Крячко никогда не умел разговаривать с женщинами. Гуров понял, что пора брать ситуацию в свои руки. Он поискал взглядом по сторонам, увидел сидящего на полу Жмыха – в наручниках и с огромным синяком под глазом, – удовлетворенно кивнул и вклинился между бушующей дамой и смущенным другом.

– Разрешите представиться, старший оперуполномоченный по особо важным делам полковник Гуров! В настоящий момент расследую дело об убийстве. С кем имею честь, мадам?

Женщина сдвинула брови и ожгла Гурова суровым взглядом. Но его невозмутимое лицо, широкие плечи и элегантный костюм произвели на нее благоприятное впечатление.

– Я – администратор этого здания, Хохлова Виктория Сергеевна, – умерив пыл, но вполне официально произнесла она. – И меня убийства не интересуют, меня интересует порядок во вверенном мне здании. А то, что устроили здесь ваши люди... – она бросила гневный взгляд в сторону Крячко. – Это не имеет никаких оправданий! Вы сами подвергали жизнь окружающих смертельной опасности! И потом, кто будет нести материальную ответственность?

– Виктория Сергеевна, – вежливо, но настойчиво произнес Гуров, – у меня будет к вам большая просьба. Вы подготовьте счет за тот беспорядок, который мы тут невольно учинили, и мы обязательно решим вопрос о возмещении ущерба. Только хочу, кстати, заметить, что все-таки не мы первыми начали. – Он слегка улыбнулся. – В одном из кабинетов юридической консультации было совершено нападение на должностное лицо, и нам пришлось вмешаться. Кстати, сейчас нам крайне необходимо побеседовать с этим юристом, так что прошу нас извинить.

Он слегка поклонился и отступил в сторону. Хохлова в глубочайшей досаде развела руками, но больше не стала высказывать ему никаких претензий. Она отозвала в сторону охранников и принялась им что-то настойчиво объяснять, то и дело раздраженно указывая на поврежденную входную дверь. Гуров тоже отозвал Крячко, но в противоположную сторону и, кивая на скучающего у стены Жмыха, негромко спросил:

– Документы проверил?

– Ага, паспорт у него на имя Чемоданова Андрея Лукьяновича, – деловито ответил Крячко, который был донельзя счастлив, что его спасли от разгневанного администратора. – Но липа такая, что за версту видно. Только такие лопухи, как здешние охранники, могли оставить без внимания такой факт. Думаю, что эта парочка отлично знала, что фейс-контроль здесь не самого высокого класса, поэтому решила особенно не напрягаться с документами. Но тем не менее истинные свои имена они почему-то постарались скрыть. Учитывая нападение на Бардина, липовые документы и такое поспешное бегство, мы имеем все основания предположить, что эти ребята замешаны в чем-то серьезном. Верно я мыслю?

– Еще бы не верно, – хмыкнул Гуров. – Если бы ты видел, как удирали второй – против шерсти, с риском для жизни, – то сказал бы, что замешаны они в чем-то очень серьезном. Но мы с тобой тоже не ангелы. Ты о чем думал, когда открывал пальбу в вестибюле?

Крячко потер нос и смущенно отвел глаза.

– Честно говоря, Лева, думал только об одном: как не упустить этого гада! – признался он. – Виноват, каюсь. Но согласись, если бы он ушел – мы бы сейчас имели целую дверь и ноль информации.

– Увечить чужое имущество – дело нехитрое, – покачал головой Гуров. – Если эта история дойдет до генерала, я нам не завидую. Обрати внимание – я попросил эту милую женщину представить счет, но предъявлять этот счет в нашу бухгалтерию я не намерен.

– А что же делать? – растерялся Крячко. – Думаешь, нашей зарплаты хватит, чтобы компенсировать потери?

– Будем искать спонсоров, – заявил Гуров. – А пока не будем отвлекаться. Оставайся здесь с этим шебутным хлопцем, а я пойду побеседую с господином Бардиным о его странных клиентах. Есть у меня предчувствие, что у него сейчас тоже появилось горячее желание унести отсюда ноги.

Предчувствие не обмануло Гурова. Когда он снова появился у дверей юриста Бардина, тот уже торопливо вертел ключом в замке входной двери. На его лбу красовалась свежая наклейка из пластыря. Увидев, что Гуров вернулся, Бардин был заметно разочарован, но постарался скрыть это чувство. Он только сказал:

– Извините, но я сегодня уже не в состоянии работать. Хочу показаться врачу. Все-таки травма головы... Может быть, договоримся на завтра? Вы по какому делу?

– По очень щекотливому, – сказал Гуров, доставая из кармана удостоверение. – Я из милиции. По поводу убийства господина Вельяминова. Наверняка вы уже слышали о нем в новостях, верно?

Бардин изменился в лице. Он со страхом посмотрел на Гурова, беззвучно открыл рот и тут же закрыл его, потом задумался на несколько секунд и наконец отпер дверь кабинета.

– Прошу вас, заходите, – сказал он тусклым голосом.

Они прошли в кабинет и уселись за стол друг против друга. Со смешанным чувством неловкости и удовлетворения Гуров отметил, что Бардина охватывает все большее смятение. Он избегал встречаться с Гуровым взглядом, делал много лишних суетливых движений, и руки у него дрожали. Однако заговорил он первым.

– Да, я действительно уже слышал, что Альберт Сергеевич погиб, – сокрушенным тоном произнес он. – Это ужасно. Среди бела дня, в расцвете лет... В это трудно поверить, хотя такое сейчас случается на каждом шагу. К сожалению.

– А то, что случилось с вами сегодня, имеет какое-то отношение к гибели Вельяминова? – спросил Гуров.

– А-а... что со мной случилось? – Бардин бросил быстрый настороженный взгляд на Гурова.

– Ну, не хотите же вы убедить меня, что получать на рабочем месте по физиономии для вас обычное дело! – заметил Гуров. – Ведь мы же были свидетелями, Георгий Владимирович!

– Да, в самом деле, – потерянно пробормотал юрист. – Конечно. Но почему вы решили, что это как-то связано с Вельяминовым? К несчастью, юристам приходится иметь дело со всякой публикой, в том числе и с отребьем. Вам этого объяснять не нужно, я думаю?

– Этого не нужно, а вот какие дела вы имели с Вельяминовым – это я очень бы просил объяснить, – твердо сказал Гуров. – И еще хотелось бы услышать, на почве чего возник недавний инцидент.

Бардин тяжело задумался. Судя по всему, он думал о том, как бы правдоподобнее соврать, но в голову ему ничего хорошего не приходило – слишком неожиданно свалились на него все эти события.

– Георгий Владимирович, не разбегайтесь – прыгайте! – почти взмолился Гуров. – Понимаю, что вам неприятно говорить на эту тему, но будет лучше, если мы все услышим от вас, а не от тех красавцев, которые устроили тут это безобразие. Ну же!

– Вы их арестовали? – морща лицо, точно от зубной боли, спросил Бардин.

– Одного взяли, – честно сказал Гуров. – Полагаю, что и второму гулять на воле долго не придется.

– Да-да, конечно, – думая о чем-то о своем, пробормотал Бардин. – Это всего лишь дело времени...

Он внезапно встал и принялся мерить кабинет шагами, точно человек, нежданно-негаданно попавший за решетку. Казалось, он совершенно не обращает внимания на Гурова. Но потом Бардин так же неожиданно остановился и поднял голову.

– Что этот тип вам сказал? – отрывисто спросил он. – Я имею в виду – тот, которого вы поймали?

– Пока ничего, – пожал плечами Гуров. – Но вы сами заметили, что это дело времени.

– Да, верно! Это верно на сто процентов. Здравый смысл подсказывает... Но что вы хотите знать прежде всего? У меня в голове все так путается...

– Ну, для начала совсем простой вопрос, – почти добродушно сказал Гуров. – Шестого июля вы договаривались встретиться с Вельяминовым? А если конкретнее – вы звонили ему в офис перед убийством?

В кабинете наступила такая тишина, что Гуров услышал, как зудит в коридоре отчаявшаяся обрести свободу муха. А потом ему пришлось мгновенно подняться со своего места, чтобы поддержать Бардина, который вдруг побледнел и покачнулся.

– Простите, можно я глотну воды? – едва слышно пробормотал Бардин.

Гуров довел его до стола. Бардин, как слепой, нашарил сбоку от стола маленький холодильник и достал оттуда запотевшую бутылку минеральной воды. Сорвав с нее крышку, он принялся глотать воду крупными жадными глотками.

– Да, я ему звонил, – сказал он наконец решительно. – Они меня заставили. Но, клянусь вам, я ничего не знал об их намерениях! Я знал, что Вельяминов как будто избегает встреч с ними...

– Они – это кто? – перебил его Гуров. – Какая связь была между ними, вами и Вельяминовым? У вас были общие интересы?

Бардин махнул рукой.

– Это длинная история, господин полковник! – сказал он. – Вы еще успеете ее сто раз выслушать. Сейчас самое главное – арестовать организатора убийства, не так ли?

– И вы знаете, где его найти?

– Не совсем. Зато он отлично знает, где меня найти. Вельяминов помог ему легализоваться в Москве, оформлял для этого человека документы – паспорт, прописку... Они были тесно связаны одно время. Его фамилия Забелин.

– Но, насколько мне известно, документы этого человека до последнего момента лежали в сейфе у Вельяминова. Что, не сошлись в цене за услугу? – поинтересовался Гуров.

– Боюсь, тут все гораздо серьезнее, – повесив голову, ответил Бардин. – Но, может быть, мы поговорим обо всем этом несколько позже? Мне в самом деле требуется медицинская помощь. Думаю, через час я буду в форме.

Гуров внимательно посмотрел на Бардина. Тот и в самом деле выглядел неважно.

– Согласен, – сказал Гуров. – Но должен вас предупредить, что, если через полтора часа вы не явитесь ко мне в главк на беседу, я буду вынужден обратиться в прокуратуру за соответствующими полномочиями на ваше задержание и обыск. Дело слишком серьезное.

– Я все прекрасно понимаю, – твердо сказал Бардин.

Глава 5

– Налей там себе чего-нибудь! – густым баритоном распорядился Виктор Петрович Величко, растирая махровым полотенцем покрасневшую после сауны лысину. – Наливай и садись! И не делай такое похоронное лицо, будто немцы уже к Москве подходят. У нас с тобой броня, понимаешь, крепка!.. И танки наши, понимаешь, быстры...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.